

Цай Сяохун ранее планировала сосватать Су Чжиэня, выдать его за этого дурачка, но Су Юцянь был категорически против. Хотя ребенок и не был ему родным, он всё равно был сыном родной сестры, её единственным ребенком, и Су Юцянь никак не мог на это согласиться. Поэтому он всячески сопротивлялся, не позволяя этому случиться.

Цай Сяохун действовала тайком, за спиной мужа.

Теперь, услышав эти слова, Су Юцянь помрачнел, не зная, как поступить.

— Чжиэнь... Он действительно так поступил?

Цай Сяохун вошла внутрь, сделала глоток воды и, услышав это, с грохотом поставила стакан на стол. Руки на боках, она свирепо уставилась на мужа.

— А как же иначе? Ты думаешь, мы сами себя избили, чтобы выглядеть так? Слушай меня: если ты не согласишься выдать его за этого дурачка, он достанется тому хулигану. Что лучше: за дурачка или за хулигана? За дурачка, по крайней мере, будет сыт и одет, о работе можно не беспокоиться. У нас столько земли, он будет работать на их полях, урожай принесет неплохой доход. С голоду точно не умрет!

— А если выйдет за того хулигана, кто знает, может, однажды прибудут до смерти, и в полицию затащат. Подумай сам. Я уж давно терплю этот дом, с тех пор как сюда пришла, ни одного дня покоя не было, да еще и ухаживать за этим обузой приходится. Я больше не могу. Их семья дает немалые откупные, а у нас какое положение? С такими деньгами ты бы радовался, а не киснул.

Су Юцянь промолчал. Раньше он мог помочь, но теперь ситуация вышла из-под контроля. Су Чжиэнь сам во всё вляпался, и даже если Су Юцянь хотел его спасти, это было невозможно. Пришлось соглашаться с женой.

— Ладно, ладно, ладно! Раньше я был неправ, не следовало мне препятствовать этому браку. Ты права, в его нынешнем положении, без вуза, ему только замуж и. Если выйдет за него, земли будет достаточно, с голоду не умрет. Я согласен. Договорись с той семьёй, пусть Чжиэнь выходит. Лучше как можно скорее, чтобы хулиган не успел вмешаться.

Цай Сяохун, до этого хмурившаяся, наконец просияла и смерила мужа взглядом.

— Я же тебе говорила, что так надо, а ты всё отказывался. Я всё делаю ради блага вашей семьи, ради тебя, а ты думаешь, что я хочу тебя погубить. Если бы ты послушался меня с самого начала, ничего бы этого не случилось. Иди же скорее готовь, я с голоду умираю.

Су Юцянь с самого начала боялся жены, поэтому не стал возражать, быстро зашел на кухню, помыл руки и принялся за готовку. Как только он вышел, Цай Сяохун заскочила на кухню, достала из кастрюли варившееся яйцо, завернула в тряпку и вышла, чтобы приложить к лицу Су Тубао.

Она смотрела на его лицо, все в синяках, и сердце её разрывалось от жалости.

— Эта стерва! Как она посмела сговориться с чужими, чтобы так издеваться над нами с сыном! Просто бесит! И моему сыну красивую морду испортила. Это просто от зависти, что мой сын красавчик. Она специально его по лицу била. Не волнуйся, мы пока её не трогаем, пусть поживет. Через полмесяца будет середина следующего месяца, семья Ли говорит, что это счастливый день для свадьбы, настаивают, чтобы именно тогда. Подождем еще полмесяца,

потом отправим её к Ли, посмотрим, как она тогда важничать будет!

Су Тубао, услышав это, забеспокоился.

— Но... это получится? Ты же видела её хулигана. Если он узнает, он точно побьет.

Цай Сяохун зловеще усмехнулась.

— Не переживай, когда наступит время мы просто усыпим её, а потом прямиком отправим в твой дом. Пусть там и проводят первую ночь. После этого свадьба, и дело с концом. Хулигану она больше не понадобится, хотя, скорее всего, они уже и так переспали. Су Чжиэнь — грязный, как и его мать, эта танцовщица. Мать спала с кем попало, и он такой же. Наверняка у него какие-то болезни, типа сифилиса, что-то серьёзное. Ты осторожнее с ним, пусть спит на полу, не пускай на кровать, чтобы не заразился, понял?

Услышав это, глаза Су Тубао потемнели. Он не хотел этого! Он не хотел, чтобы Су Чжиэнь достался Вэнь Гули! Вэнь Гули был его! Этот мужчина мог принадлежать только ему, и всё делать только с ним! Он ждал не дожидается середины следующего месяца, чтобы выдать эту шлюху замуж, и тогда Вэнь Гули перестанет с ней общаться.

...

Вечером Су Чжиэнь вернулся домой вместе с Вэнь Гули. Вэнь Гули старался не вспоминать о случившемся днём. Мать с сыном, скорее всего, больше не посмеют ничего предпринять, поэтому он спокойно отпустил его.

Всё дело было в том, что деревня маленькая, людей много, языков ещё больше. Слухи распространяются мгновенно. Если бы они остались жить вместе, кто знает, что бы люди стали говорить.

Поэтому Су Чжиэню пришлось вернуться домой.

Вэнь Гули проводил его до двери, сказал, что уходит, но сам не ушёл. Он остался снаружи, курил и ждал. Прошло полчаса, и, не услышав ни криков, ни шума, он наконец успокоился и ушел.

...

Когда Су Чжиэнь вернулся, было уже поздно, восемь-девять вечера, все уже спали. Он зашел в свою комнату и обнаружил, что подушку и одеяло выбросили на пол. Причем они были грязными, словно их возили по грязи.

Он сразу всё понял: Су Тубао наверняка топтал ногами его одеяло и подушку, а потом кинул на пол, чтобы тот не спал на кровати.

Он посмотрел на Су Тубао, который спал на кровати как убитый. Неясно было, действительно он спит или притворяется.

Су Чжиэнь не стал шуметь. Он взглянул на одеяло и подушку на полу и понял: ему велели спать на полу.

Он хотел положить портфель в сторону, но увидел, что портфели на столе изрезаны в лоскутки.

Он уходил в спешке и оставил четыре портфеля в комнате. Теперь они были в клочья. И не

нужно было гадать, кто это сделал!

Су Тубао! Опять это ничтожество! Он больше так не мог!

Даже кролик кусается, если его загнать в угол. А его уже давно считали кроликом, которого можно пинать.

Су Чжиэнь схватил изрезанные портфели и швырнул их на кровать, яростно накидываясь на Су Тубао:

— Су Тубао, проснись! Это ты изрезал мои портфели, да?

Су Тубао, который на самом деле притворялся спящим, мгновенно вскакал с кровати. Его тоже дошила злость от того, что его разбудили.

— Ты что, с ума сошел? Это всего лишь несколько старых портфелей! И что с того, что я их изрезал? Они лежали здесь, на моем столе, я подумал, что это какой-то хлам, и порезал для развлечения. Что здесь такого? Ты их кидал где попало, это не твое место, почему я не могу ими трогать?

Су Чжиэнь сжал кулаки, лицо его покраснело от обиды и гнева.

— Это мои вещи! Почему ты лезешь в мои вещи и режешь их? Они были новыми, а ты превратил их в тряпки! Тебе забавно?

Су Тубао скрестил руки на груди, безразлично пожав плечами.

— О, твои вещи? А я думал, это мусор. Кто бы мог подумать, что ты подобрал это на помойке. Это всего лишь ерунда, купи новые, зачем ты меня разбудил? Я только-только уснул. Не мешай мне спать, достал!

Су Чжиэнь смотрел на него, готовый взорваться. Он знал, что у этого человека кожа толще слона. Если начать драку, он проиграет, сил у него меньше. Поэтому он понимал, что грубой силой здесь не решить.

<http://bllate.org/book/17683/1649181>